

На правах рукописи

КУНИЦЫНА Елена Николаевна

Дискурс свободы в русской трагедии

последней трети XVIII – начала XIX в.

Специальность – 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Екатеринбург

2004

Работа выполнена на кафедре фольклора и древней литературы государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Научный руководитель кандидат филологических наук,
доцент Соболева Лариса Степановна

Официальные оппоненты доктор филологических наук,
доцент Созина Елена Константиновна

кандидат филологических наук,
доцент Ложкова Татьяна Анатольевна

Ведущая организация Новосибирский государственный университет

Защита состоится «_____» декабря 2004 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, д. 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан « _____ » ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Литовская М. А.

Основные положения.

Актуальность исследования. Представленная работа позволяет расширить и уточнить наши представления о проблематике и художественном своеобразии русской трагедии последней трети XVIII – начала XIX в. Вычленение основных культуроспецифических концептов (честь, долг, любовь, жизнь и смерть), представляющих собой определенную систему иерархических ценностей в сознании людей этой эпохи, делает возможной реконструкцию дискурса свободы, существовавшего на страницах большей части художественных произведений данного периода. Обращение к анализу дискурсивных практик, основанному на сопоставлении художественных текстов с культурно-историческими реалиями изучаемой эпохи, в какой-то степени «снимает» идеологическую «заданность» работы, обусловленную временем исследования. Кроме того, восстанавливаемый в процессе анализа механизм создания дискурса свободы, основанный на особенностях поэтики трагедийного текста, делает исследование более точным и результативным.

Цель исследования – рассмотреть содержание и механизм создания дискурса свободы в русской трагедии последней трети XVIII – начала XIX в.

В связи с этим были поставлены следующие *задачи*:

1. Определить культурно-исторические условия формирования дискурса свободы;
2. Выделить основные концепты, образующие дискурс свободы; раскрыть их семантическое наполнение; определить языковые средства, используемые авторами для создания дискурса свободы;
3. Рассмотреть семантику феномена самоубийства, к которому обращаются драматурги для создания аксиологического аспекта дискурса свободы.

Объект исследования – культурные тексты эпохи Просвещения, в которых формировался политический, философский, литературный дискурс свободы.

Предмет исследования – наиболее репрезентативные тексты русской трагедии последней трети XVIII – начала XIX в., а также ряд философских, исто-

рических и политических сочинений, письма этого времени, в которых выявляется дискурс свободы.

Методологическая и теоретическая основа исследования. Русская трагедия XVIII – начала XIX в. была предметом исследования многих ученых. Первой работой по истории театра и драмы на русском языке стал «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова (1772). В 1787 г. был издан без указания автора «Драматический словарь», содержащий обширный материал по истории русского театра. В нем был представлен не только перечень пьес с указанием имен сочинителей, переводчиков и композиторов, но и сведения о реакции современников на некоторые постановки. Наиболее подробно историография русского театра от его истоков до конца XVIII в. изложена в работе Б. Н. Асеева «Русский драматический театр...» (М., 1977. С. 5-66). В ней автор излагает историю русского драматического театра, обращая особое внимание на проблему преемственности традиций народного театра в профессиональном театральном искусстве XVII – XVIII вв., на связь театра с русской передовой общественной мыслью, а также на проблему взаимоотношения русского театр с передовой театральной культурой Запада.

Среди работ по истории и теории литературы особого внимания заслуживают труды Д. Д. Благого, Г. А. Гуковского, рассматривавших русскую трагедию в контексте литературного процесса XVIII в.; Л. И. Кулаковой, Е. Н. Купреяновой, А. П. Валицкой, Ю. Б. Борева, исследовавших эстетическую природу трагедий; Г. В. Москвичевой, Г. Н. Моисеевой, В. А. Бочкарева, наиболее остро поставивших проблему историзма русских трагедий, а также проблему преемственности идей древнерусской литературы в эпоху классицизма; Ю. В. Стенника, обратившегося к вопросу о жанровой природе русской трагедии, и других. Среди современных работ нужно отметить докторскую диссертацию К. А. Кокшеневой «Эволюция жанра трагедии в русской драматургии XVIII века. Проблема историзма» (2003).

Теоретическую основу исследования составили труды Ю. М. Лотмана, основателя тартуско-московской школы русской семиотики, видевшего суть

культуры в ее внутреннем многоязычии и интерпретировавшего любое проявление человеческой деятельности как текст. В своей книге «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) Ю. М. Лотман подробно рассматривает различные варианты текста поведения, подходя к нему как к семиотическому феномену. Одна из центральных идей его исследования – альтернативность мира реального и мира вербального. Текст поведения очень часто строится по вербальным образцам: «Примером того, как люди конца XVIII – начала XIX века строят свое личное поведение, бытовую речь, в конечном счете свою жизненную судьбу по литературным образцам, весьма многочисленны» (СПб., 1994. С. 183). По мнению Лотмана, именно вербальный мир давал больше образцов выбора поведения, чем мир реальный.

Продолжением этого направления стали труды современных исследователей, совмещающие в себе анализ культурного, исторического и литературного контекста эпохи. Среди них можно выделить следующие существенные для нашей темы работы: монография А. Строева «“Те, кто поправляет фортуна”. Авантюристы Просвещения» (1998), в которой автор рассматривает биографии знаменитых авантюристов как единый текст и сопоставляет с повествовательными моделями эпохи (романом, комедией, литературным мифом и т. п.); книга А. Зорина «Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века» (2001), в которой не только рассматривается цикл конкретных идеологических моделей, выдвигавшихся в качестве государственной идеологии Российской империи в екатерининское, александровское и николаевское царствование, но и дается теоретическая концепция, обосновывающая механизм взаимодействия литературы и идеологии; книга И. Рейфман «Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе» (2002), посвященная исследованию дуэльного дискурса в русской литературе и культуре.

Методы исследования. В работе был использован герменевтический подход, предполагающий не только интерпретацию текста, но и реконструкцию его места в духовной истории человечества. Осознание ценностей эпохи Просве-

щения помогает поместить художественные произведения последней трети XVIII – начала XIX в. в их исторический контекст и оценить их во всем многообразии. Суть интерпретации состоит в том, чтобы из знаковой системы текста воссоздать его значение, «увидеть» его «глазами современников». Кроме того, при анализе текстов был использован принцип «деконструкции», смысл которого заключается в выявлении скрытых («спящих», по терминологии Деррида) «остаточных смыслов», закрепленных в языке в форме мыслительных стереотипов и бессознательно трансформируемых современными автору языковыми клише. При этом литературный текст рассматривается в более широком контексте общекультурного дискурса, включающего религиозный, политический, экономический, социальный дискурс. Художественные тексты соотносятся не только с соответствующей им литературной традицией, но и историей культуры. Таким образом, деконструктивистский анализ литературы может стать частью более широкого аспекта так называемых «культурных исследований», т. е. изучение дискурсивных практик как риторических конструктов, обеспечивающих власть «господствующих идеологий».

Информационная база исследования. В числе **исследовательских** источников диссертации использованы: а) художественные тексты различных жанров последней трети XVIII – начала XIX в.; б) статьи *Encyclopedie ou Dictionaire raisonne des sciences, des art et des métiers, par une sosiete de gens de letters. Mis en ordre et publie par m****, в) переписка Екатерины II, письма русских дворян; г) официальные документы в виде Полного свода законов Российской империи, законодательных и других нормативных актов, в том числе «Наказ» Екатерины II, конкурсные работы Вольного Экономического Общества (1766), доклады и протоколы заседаний Комиссии о вольности дворянства (1763), Уложенной комиссии (1767), Жалованная грамота дворянству (1785). **Информационные** источники включают в себя: а) монографии и научные статьи по истории и теории литературы, очерки по философии и эстетике XVIII в.; б) исследования по истории русского театра XVIII – начала XIX в.; в) очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в.; г) исследования по истории об-

щественной мысли XVIII в.; д) труды по истории русского дворянства; е) словари, справочники и энциклопедии.

Научная новизна исследования заключается, **во-первых**, в самой постановке проблемы: изучение дискурса свободы в русской трагедии последней трети XVIII – начала XIX в. Традиционно данные художественные произведения рассматривались с точки зрения жанровой природы текста или в связи с характеристикой творчества отдельного автора. Выполненное исследование отличается тем, что при анализе художественных текстов учитывался прежде всего культурно-исторический контекст эпохи, во многом определявший проблематику русской трагедии данного периода. **Во-вторых**, в работе были использованы новые научные категории и понятия, такие как дискурс, концепт, идеологическая метафора, широко применяемые в современной науке, но не используемые при изучении русской драматургии XVIII в. **Кроме того**, были применены новые методы исследования, позволяющие реконструировать внутреннюю логику создания текста, «диктующего» возможные интерпретации. В отличие от предшествующих работ, посвященных изучению жанра русской трагедии, констатирующих преимущественно факты заимствования (из национальной истории, древнерусской литературы, зарубежной драматургии), данная работа представляет собой прежде всего анализ сюжетно-образной структуры трагедии, особенностей ее поэтики в ракурсе вышеизложенных проблем.

Практическая значимость исследования. Результаты выполненного исследования могут быть использованы при создании спецкурса по русской литературе последней трети XVIII – начала XIX в., истории общественной мысли XVIII в., а также для дальнейшего углубленного изучения особенностей русской трагедии указанного периода, в характеристике национального менталитета в сфере размышлений о свободе.

Положения, выносимые на защиту:

1. В XVIII в. категория **свободы** возникает на пересечении различных векторов общественного развития (политического, этнического, культурно-исторического) и используется одновременно в двух плоскостях: как «идеоло-

гическая метафора», выраженная в слове и существующая в идеальном пространстве культурных текстов, и как определение статуса подданных по отношению к власти.

2. Выявление дискурса свободы в текстах русской трагедии последней трети XVIII – начала XIX в. позволяет говорить о литературе как о пространстве существования ментально-значимых категорий **чести, долга, любви**.

3. Обращение драматургов к самоубийству как художественному приему подчеркивает аксиологический аспект дискурса свободы, проявляющийся в индивидуальном осознании ценности свободы.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на международной научно-практической конференции «Литература в контексте современности» (25-26 февраля 2002 г., Челябинск); на всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2002. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (2-3 октября 2002 г., Екатеринбург); на научно-практической конференции «Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы» (4-5 ноября 2002 г., Екатеринбург); на всероссийской научной конференции «Вторые Лазаревские чтения» (21-23 февраля 2003 г., Челябинск); «The Area Studies 4th Annual International Student Conference “Dimensions of Modernity”» (May 1-3, 2003, Armenia); на всероссийской научной конференции «Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности» (7-8 октября 2004 г., Екатеринбург).

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 95 наименований, списка принятых сокращений.

Содержание работы.

Глава 1. Концепт свободы в культурно-историческом контексте России последней трети XVIII – начала XIX в. Категория свободы, наряду с такими категориями, как вольность, рабство, власть, а также разум, воспитание, просвещение, стала основой для создания идеологии эпохи Просвещения. С од-

ной стороны, это несомненное открытие философов-энциклопедистов, которые впервые систематизировали все имеющиеся представления о свободе и выделили различные аспекты этого понятия. В диссертационном исследовании подробно проанализированы определения свободы из «Энциклопедии» д'Аламбера и Дидро (1751-1780). Статьи о естественной, гражданской и политической свободе отражают историю возникновения и развития человеческого общества: естественная свобода как первоначальное, идеальное состояние человека, своего рода дар природы, принадлежащий по праву рождения (в русском языке этому аспекту категории свободы в большей степени соответствует слово вольность); гражданская свобода – результат развития человеческих отношений, осознанное ограничение действий, регламентируемое законом и направленное на благо каждого члена общества; политическая свобода – своего рода механизм государственного управления, гарантирующий безопасность и соблюдение прав гражданина в обществе. Статья, посвященная свободе как таковой, определяет положение человека по отношению к высшим силам. Свобода в данном случае воспринимается как способность человека противостоять власти судьбы, рока, божественного предопределения, а также механическим и физиологическим законам природы. Выделив такой аспект свободы, как свобода мысли, то есть способность подвергать критической оценке известные истины и совершать новые открытия, французские философы объединили две важнейшие для идеологии Просвещения категории свободы и разума, определяющих не только положение человека в мире, но и его потенциальные возможности.

В России категория свободы использовалась прежде всего как инструмент для тонкой политической игры. Это была своего рода смысловая лакуна, некая словесная форма, содержание которой могло варьироваться в зависимости от сферы употребления. Екатерина манипулировала словом «свобода»: разрешив своим подданным пути обретения свободы, она никогда не предполагала реализовывать их либеральные проекты. В текстах, созданных для широкого круга читателей (сочинения Екатерины II, ее переписка с французскими философами, художественные произведения, разрешенные цензурой), категория

свободы используется как средство для создания «идеологических метафор» века Просвещения. В документах эпохи, не получивших в свое время большой огласки (конкурсные работы ВЭО, протоколы заседаний Комиссии о вольности дворянства (1763) и Уложенной комиссии, частные письма, в том числе и самой Екатерины, рукописные сочинения), категорией свободы определяется реальное соотношение сил правящей элиты и подданных Российской империи.

В отличие от политических документов, проектов, воззваний, манифестов, отразивших идеологию Просвещения непосредственно в момент ее становления, литературные произведения, написанные в конце XVIII в., после восстания Пугачева в России и Великой революции 1789 г. во Франции, позволяют определить, какие именно идеологические метафоры оказались наиболее востребованными и какую оценку они получили в глазах современников. Категория свободы в данном случае становится одним из основных критериев, по которому писатели пытаются дать оценку уходящему столетию и в первую очередь царствованию Екатерины II.

Наибольший интерес с этой точки зрения представляет сатирический журнал И. А. Крылова «Почта духов» (1789). Каждый ежемесячный выпуск содержал несколько писем от духов волшебнику Муликульмульку, в которых без труда угадывалась острая сатира на нравы того времени; в письме XXXIV гном Вестодав рассказывал о тайных механизмах власти, позволяющих сочетать неограниченную власть глупца и так называемую свободу подданных.

В «Письмах русского путешественника» (1791-1792) Н. М. Карамзин размышляет, в каком из посещенных им государств народ действительно обладает свободой. Наиболее приемлемый с точки зрения просветителя государственный строй автор находит только в Швейцарии, республиканские порядки которой он объясняет исконным свободолюбием граждан. Французскую революцию Карамзин называет национальной трагедией, он не приемлет насилия и кровопролития, неизбежно ее сопровождающие.

Абсолютно противоположного мнения о возможных последствиях революции как пути обретения свободы придерживался другой русский просвети-

тель, А. Н. Радищев. Наиболее репрезентативной в этом отношении является его ода «Вольность» (1783). Основная причина расхождений во взглядах двух русских просветителей, вероятно, заключается в том, что взгляд Радищева с надеждой устремлен в будущее (ода была написана за шесть лет до Французской революции), а Карамзин с горечью оценивает прошедшее.

Размышляя о закономерностях общественного развития, о природе власти и о правах человека, Радищев использует два понятия: «свобода» и «вольность». Употребление этих слов как синонимов достаточно распространенное явление для второй половины XVIII века. В 1762 г. Петр III издал «Манифест о даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству»; указом от 11 февраля 1763 г. Екатерина II подписывает именной указ об учреждении Комиссии о вольности дворянства, члены которой должны были «между собою советовать», какие еще «права свободы» следовало дать российским дворянам [ПСЗ т. 16 № 11751, 157]. Ряд примеров можно было бы продолжить. Анализ оды Радищева «Вольность», сделанный в первой главе диссертации, позволяет с наибольшей вероятностью определить семантику этих понятий и особенности словоупотребления. Смысл, который вкладывает Радищев в слова «свобода» и «вольность», точно соответствует представлениям о свободе французских энциклопедистов, различавших естественную и гражданскую свободу. Вольность – это естественное состояние человечества на начальных этапах его развития, дарованное природой, своего рода поэтическая метафора «золотого века» (достаточно распространенный культурный миф в эпоху Просвещения), идеальное состояние, о котором можно только вспоминать или мечтать и которое можно получить в дар. Свобода – нечто, **созданное** гением человеческого разума и несущее в себе **созидательное** начало (об этом свидетельствует и семантика слов, употребленных в сочетании со словами «дух свободы»: зиждить, живить, родить, созидать, греть ниву), дух свободы возникает только после нравственного перерождения человека и его нельзя подарить или вручить насильно.

Особое место в отношении к дискурсу свободы в последней трети XVIII в. занимает жанр классицистической **трагедии**, предназначавшийся для

коллективного восприятия, тяготеющий к наиболее острым общественным проблемам. Драматурги верили в действенность поэтического слова и были убеждены в том, что общество можно привести к состоянию «золотого века» разума путем литературной проповеди (об убежденности в «воспитательных» возможностях драмы свидетельствуют теоретические сочинения А. П. Сумарокова, П. А. Плавильщикова, С. А. Домашнева, В. И. Лукина, Я. П. Козельского).

Героические примеры для воспитания гражданственности и патриотизма русские драматурги находили в летописных преданиях, однако сами трагедии в основном были средством выражения злободневных современных проблем. Достаточно перечислить те пьесы, которые были запрещены к постановке или не были опубликованы, чтобы понять, что скрывалось за историческими сюжетами. В трагедиях А. А. Ржевского «Подложный Смердий», Ф. Я. Козельского «Велесана», Я. Б. Княжнина «Ольга», например, современники легко обнаруживали политические аллюзии на правление Екатерины II.

Если в 1785 г. императрица могла себе позволить не реагировать на тиранические выпады Н. П. Николева (трагедия «Сорена и Замир»), то после событий 1789 г. во Франции ситуация изменилась. Трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», в основе которой лежало столкновение двух идей, воплощенных в образе идеального самодержца Рурика и положительного героя Вадима Новгородского, всеми возможными способами отстаивавшего свою свободу, попала в полосу репрессий, хотя в трагедии не было прямых намеков на правление Екатерины II. Проблему соотношения свободы и власти автор «Вадима Новгородского» рассматривает на новом для жанра русской трагедии философском уровне. Он ставит под сомнение не конкретный образ правления, воплощавшийся для его современников в фигуре Екатерины II, а необходимость в обладании властью для обретения счастья в собственной судьбе. В отличие от современных ему драматургов, передавших в трагедиях малейшие нюансы политической жизни своего времени, автор «Вадима» оказался более дальновидным и талантливым. Он увидел ту сложность и неоднозначность

проблемы соотношения свободы и счастья, которые были недоступны его современникам.

Во **второй главе** диссертационного исследования **«Дискурс свободы в художественном пространстве русской трагедии последней трети XVIII – начала XIX в.»** выявлены основные концепты, составляющие дискурс свободы, – честь, долг, любовь – и показан механизм создания этого дискурса драматургами.

В русской трагедии последней трети XVIII – начала XIX в. **честь** – одна из наиболее семантически наполненных категорий. С развитием жанра трагедии ее содержание изменялось в зависимости от тех художественных и идейных задач, которые ставили перед собой драматурги, но при этом она всегда оставалась обязательным компонентом дискурса свободы. Чаще всего честь была тем нравственным императивом, который определял значимость поступков героев и степень их внутренней свободы. Только следуя голосу чести, человек эпохи Просвещения мог возвыситься над своей судьбой и сохранить свою сущность.

Условно можно выделить три наиболее актуальных для этого периода аспекта понятия «честь»: честь как определенный показатель общественного статуса (честь монарха, подданного, гражданина), честь рода, которая складывается из посмертных почестей умершим и личных деяний, и индивидуальная честь, одним из проявлений которой является «доброе имя» героя. В ранних трагедиях Я. Б. Княжнина «Дидона», «Ольга», «Владимир и Ярополк», в трагедии Н. П. Николева «Сорена и Замир» категория чести используется для создания **идеального образа** сначала **правителя и подданного**; категория трагического реализуется через столкновение страсти, овладевшей героями, и теми представлениями о чести, которые заставляют их отказаться от любви. Чтобы раскрыть содержание понятия «честь», авторы создают синонимические ряды, в которых честь приравнивается к долгу, разуму, верности данной клятве, воинской славе, а также вольности и даже жизни. Этическая оценка происходя-

щему создается благодаря использованию в речи героев элементов самоанализа, экспрессивно-окрашенной лексики, эпитетов, олицетворений.

В трагедиях Я. Б. Княжнина «Рослав», «Вадим Новгородский» категория чести осмысливается не как неоспоримое качество идеального правителя или подданного, но как **гражданское самосознание** героя, которое проявляется в верности не царю, а клятве. Принципиально новой в трагедии «Рослав» была мысль о том, что человек может сохранять свой статус свободного и честного гражданина и в плену, когда этого требует честь Отечества, отказываясь от «бесчестного» освобождения, даруемого царем. К концу XVIII в. в сознании людей уже сформировались определенные и достаточно устойчивые представления о свободе и чести как о взаимодополняемых положительных категориях, о чем свидетельствует элемент игры словом «честь» в трагедии П. А. Плавильщикова «Рюрик».

В трагедиях начала XIX в. русских драматургов обращаются к соотношению категории **чести** и **бесчестия**. Если в конце предшествующего столетия угрозу чести представляла сильная страсть, затмевающая рассудок, лесть, властолюбие, то сейчас символом бесчестия становится **бунт**. В. Т. Нарезный в трагедии «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмову» (1799) один из первых дает определение бесчестному поведению, связывая его с идеей бунта. Участие в **мятеже** – одно из самых страшных обвинений, к которому нередко прибегают герои трагедий, чтобы при помощи **интриг** (еще один атрибут бесчестного поведения) достичь желаемого (трагедия В. В. Капниста «Антигона», где Креон предъявляет главной героине обвинение именно в мятеже, и др.).

Честь рода складывается из посмертных **почестей умершим** родственникам и **личных деяний**. Именно этот аспект чести как воздаяния надгробных почестей умершим и богам присутствует во всех трагедиях конца XVIII – начала XIX в. («Поликсена», «Эдип в Афинах» В. А. Озерова, «Антигона» В. В. Капниста, «Эдип-царь» А. Н. Грузинцева). В «Эдипе в Афинах» Озеров выстраивает синонимический ряд – слава, честь, родство – и в соответствии с ним определяет положительные и отрицательные качества своих героев. В «Поли-

ксене» автор размышляет, насколько надгробные почести, воздаваемые погибшим героям и богам, могут ущемлять свободу и **индивидуальную** честь героев (признание, почет, уважение). Если в конце XVIII в. высшей ценностью, к которой стремятся положительные герои, является высокое звание гражданина, то в начале следующего столетия герои размышляют о человечности и об индивидуальной неповторимости каждой личности, свобода и честь которой может ущемляться именно гражданскими законами.

Вместе с понятием **посмертной чести**, воздаваемой героям, в русских трагедиях начала XIX в. появляется мотив **кровной мести** за погибших родственников (трагедии В. А. Озерова «Ярополк и Олег», «Фингал», Ф. Ф. Иванова «Марфа-посадница ... » и др.). Парадокс заключается в том, что человек, отмещающий за пресечение рода и «восстанавливающий» родовую честь, наносит урон своей индивидуальной чести, запрещающей убийство. Месть, в отличие от честного поединка между оскорбленными противниками, предполагала участие третьей заинтересованной стороны (например, отца погибшего) и обращение к элементам «бесчестного» поведения (лести, обмана, интриг). Использование синонимов позволяет авторам трагедий определить этическую оценку антонимических понятий «честь» и «мечь». Если честь является высшей ценностью жизни, то мечь приравнивается к измене (отрицательно маркированный поступок).

Честь как **личный подвиг** героя во имя Отечества и царя – наиболее распространенное понимание чести в трагедиях начала XIX в. («Димитрий Донской» В. А. Озерова, «Ермак» П. А. Плавильщикова, «Пожарский» М. В. Крюковского). Чаще всего в основе сюжета этих трагедий лежат исторические события, связанные с освобождением России (реже – какого-либо другого народа) от иноземных завоевателей. В отличие от трагедий XVIII в., индивидуальность героя не «теряется» в общей славе, его подвиг остается в памяти соотечественников. Свобода человека заключается не только в освобождении от плена или от власти тирана, но и в том, что он сам творит свою судьбу, защи-

щая честь Отечества, царя и свою свободу и достоинство (**индивидуальную честь**).

Одним из аспектов понятия индивидуальной чести становится **«доброе имя»** героя, не запятнанное позором. Если в трагедиях конца XVIII в. атрибутом «бесчестного поведения» было участие в бунте, то в начале XIX в. наибольшую угрозу для потери репутации представляют **интриги** (А. А. Шаховской «Дебора ... », С. Н. Глинка «Сумбека ... », Г. Р. Державин «Ирод и Мариамна»). В списке действующих лиц, предваряющем трагедию, авторы начинают указывать не только звания и родственные отношения героев, но и главные черты характера, и среди них в первую очередь появляются «честолюбие» (антоним чести) и «коварство».

Определить меру свободы невозможно, не учитывая факторы, ее ограничивающие или, напротив, расширяющие. Дискурс свободы в трагедиях последней трети XVIII – начала XIX в. включает в себя понятия **чести** и **долга**, устанавливающие границы свободы. Если честь в большей степени является внутренним нравственным императивом, то долг – это те законы, которые определяют поведение человека в соответствии с его социальным положением и родственными отношениями.

Эпитеты, которые авторы трагедий подбирают к слову «долг», можно разделить на две группы. С одной стороны, это «лютый», «варварский» (Княжнин Я. Б. «Вадим Новгородский»), «жестокий» (Озеров В. А. «Фингал»), «тяжкий» (Грузинцев А. Н. «Эдип-царь»), «тягостный» долг (Глинка С. Н. «Сумбека ... »); с другой – «священный» долг (Плавильщиков П. А. «Рюрик»; Озеров В. А. «Эдип в Афинах», «Ярополк и Олег»; Глинка С. Н. «Сумбека ... »; Крюковской М. В. «Пожарский»; Грузинцев А. Н., «Эдип-царь»; Капнист В. В. «Антигона»). Эмоционально-экспрессивная окраска этих эпитетов, четко определяющая позитивное или негативное отношение автора и его героев к долгу, позволяет предположить, что «долг» в дискурсивном поле свободы может оцениваться как ущемляющий естественную свободу человека, его право выбора, так и укрепляющий сознание внутренней свободы, чести и достоинства.

Объектом пристального изучения драматургов в XVIII – начале XIX в. становится **долг правителя** (к этой категории относятся и цари, и князья, и просто герои, не имеющие над собой более высокой власти). Одна из первых обязанностей идеального правителя – **повиноваться высшей, божественной власти** (Княжнин Я. Б. «Дидона»). В целом же долг правителя, как это следует из сюжетов трагедий, состоит в том, чтобы **«жить для народа»** или **«умереть с народом»** (Ф. Ф. Иванов «Марфа-посадница ... », Я. Б. Княжнин «Владимир и Ярополк», «Вадим Новгородский», П. А. Плавильщиков «Рюрик», В. А. Озеров «Фингал»). Только тогда, когда спасти Отечество, не утратив при этом чести, невозможно, правитель может погибнуть вместе со своим народом, защищая свою свободу. Как правило, такое самоубийство совершают или готовы совершить княгини или царицы (Я. Б. Княжнин «Дидона», «Ольга», С. Н. Глинка «Сумбека...», Ф. Ф. Иванов «Марфа-посадница...»). Кроме того, долг правителя состоит в **освобождении от страсти**, т. к. она превращает любого, даже идеального правителя, в тирана, что противоречит главному долгу – жить на благо Отечества (Я. Б. Княжнин «Владимир и Ярополк», В. А. Озеров «Ярополк и Олег»). В трагедиях начала XIX в. появляется еще одна, принципиально новая составляющая долга правителя – **правильный выбор советников**. Именно неумение отличить истинных слуг царя и Отечества от завистливых интриганов стало причиной драматических событий в трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна».

Наряду с долгом правителя большое внимание в трагедиях последней трети XVIII – начала XIX в. уделяется формированию у зрителя представлений о **долге верноподданного**. Во-первых, он должен быть **предан правителю**: князю, царю, военачальнику, представляющему царскую власть (Я. Б. Княжнин «Владимир и Ярополк», В. А. Озеров «Ярополк и Олег», М. В. Крюковской «Пожарский»). Во-вторых, истинный герой должен всегда хранить **верность** своему **Отечеству**, даже если это противоречит воле правящего в данный момент лица (Я. Б. Княжнин «Рослав»). Кроме того, одним из аспектов долга верноподданного драматурги конца XVIII – начала XIX века считали **раскры-**

тие заговоров и мятежей (Ф. Ф. Иванов «Марфа-посадница...», А. А. Шаховской «Дебора...»).

Помимо долга, обусловленного социальным положением, человек имеет определенные обязательства перед родом. В трагедиях конца XVIII в. именно эта категория – **долг перед родом** – определяет меру свободы героев. Долг, принимаемый добровольно, воспринимается как «священный», и потому все препятствия на пути его исполнения могут расцениваться как ограничение свободы человека (В. А. Озеров «Фингал», «Ярополк и Олег», «Эдип в Афинах», В. В. Капнист «Антигона»). В то же время долг перед родом, ради которого человек должен жертвовать счастьем, любовью, иногда – жизнью, воспринимается как «варварский», ущемляющий свободу, но, тем не менее, неизбежный (Я. Б. Княжнин «Вадим Новгородский», П. А. Плавильщиков «Рюрик», В. А. Озеров «Димитрий Донской»). Появляется характерный для последних в этом направлении трагедий элемент игры значениями слов: если в начале развития жанра трагедии авторы особое внимание обращают на формирование понятий чести, свободы, долга и т.д., в период расцвета – на трагедийную сущность, то в момент «угасания» жанра эти категории уже достаточно хорошо закрепились в сознании зрителей и не нуждаются в дополнительной расшифровке.

Дискурс свободы в трагедиях последней трети XVIII – начала XIX в. реализовывался через сопоставление концептов **любви** и **власти**. Можно ли назвать свободным человека, которым управляет не разум, долг или честь (высшие ценности бытия в мировоззрении эпохи Просвещения), а чувства? На протяжении всего XVIII в., а также в отдельных трагедиях XIX в. **страсть, порабоощающая героя**, была атрибутом его не свободного существования.

Обращаясь к этой проблеме, драматурги выделяли различные аспекты проявления этого рабства. Во-первых, это **страсть тирана**, стремящегося через брак с законной обладательницей царского венца укрепить свою власть над поработленным народом (Я. Б. Княжнин «Дидона», «Ольга» и Н. П. Николев «Сорена и Замир»). Во-вторых, проявлением несвободы могла стать **страсть, влекущая за собой братоубийство** (Я. Б. Княжнин «Владимир и Ярополк», В. А.

Озеров «Ярополк и Олег»). Как угроза чести и свободе осмыслялась любовь, которую испытывали положительные герои трагедий. В трагедиях Я. Б. Княжнина «Дидона», «Рослав», П. А. Плавильщикова «Ермак», С. Н. Глинки «Сумбека...», А. А. Шаховского «Дебора...» описывается **страсть**, свидетельствующая о **слабости героев**. Отдельную группу составляют трагедии, в которых в центре внимания автора оказывается **страсть царя**. Имеет ли право царь или князь, обладающий верховной властью над народом, отдать себя во власть любви? Решению этой проблемы посвящены трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», Ф. Ф. Иванова «Марфа-посадница...», Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна». Позиция автора в этих трагедиях выражается, как правило, через образ ближайшего советника, верного царского подданного; мера свободы определяется в таких устойчивых для дискурса свободы словосочетаниях, как любовь и плен.

Помимо страсти, определяющей статус не свободного существа, не вольного управлять своей судьбой, в трагедиях конца XVIII – начала XIX в. появляется совершенно иное представление о **любви** как символе **счастья** и **свободы** («Рюрик» П. А. Плавильщикова, «Антигона» В. В. Капниста, «Фингал», «Димитрий Донской» В. А. Озерова).

Глава 3. Аксиологический аспект дискурса свободы. Неотъемлемым атрибутом классицистической трагедии последней трети XVIII – начала XIX в. становится **самоубийство** как художественный прием, позволяющий автору запечатлеть процесс индивидуального осмысления ценности свободы. Парадоксальность сознания XVIII в. заключается в том, что понятие свободы выбора синонимично понятию счастья, полноты бытия, самореализации, но счастьем можно обладать только при жизни, а свобода достигается только после смерти.

Противоречивость и неоднозначность суждений о выборе между жизнью и смертью отразились в особенностях поэтики трагедий. Многочисленные монологи о предполагаемом самоубийстве свидетельствуют о том, что отношение к этому феномену еще не сформировалось, и в текстах мы можем наблюдать становление понятия. Центральная проблема всех трагедий классицизма – оп-

ределение сущности свободы через равнозначные понятия (любовь, моральный или гражданский долг, верность законам рода, обладание властью), при отсутствии которых в жизни самоубийство оказывается оправданным поступком.

В диссертационном исследовании выделяется три сложившихся к тому времени в текстах трагедий стереотипа о том, кто волен (или не волен) лишить себя жизни. Это, во-первых, **герой-злодей**, чей поступок, противоречащий общепринятым ценностным установкам, тем не менее является логичным завершением его **преступной** жизни (Христиерн «Росслав», Свенальд, Старн «Фингал», Креон «Эдип в Афинах», Соломия «Ирод и Мариамна»). Во-вторых, самоубийство **положительного** героя, попавшего в **безвыходную** ситуацию. Это и **женское** самоубийство, когда героиня лишает себя жизни, не в силах вынести разлуки с любимым (так погибает Дидона «Дидона», так хотела бы поступить Моина «Фингал», Зафира «Росслав», Рамида «Вадим Новгородский»); и **самоубийство-жертва** (Полиник, Эдип, Антигона «Эдип в Афинах»; Поликсена «Поликсена»; Иокаста «Эдип-царь»; Антигона, Евридика, Эмон, Исмена «Кровавая ночь»); и готовность пожертвовать жизнью ради **блага отечества** (Свадель); и самоубийство как последний и единственный способ защитить свою личную честь, как реализация гражданской свободы (Росслав «Росслав»; Вадим «Вадим Новгородский»; Марфа, Мирослав «Марфа-посадница»). И, наконец, герои, которые и хотели бы совершить самоубийство, но **не имеют** на это права, так как их жизнь принадлежит вверенному им народу. Причем среди них нет деления на положительных и отрицательных персонажей. К их числу относится Рюрик в трагедии «Вадим Новгородский», а также Владимир, хотевший искупить тем самым свою вину за убийство брата в трагедии «Владимир и Ярополк», и Фингал, чье спасение стоило жизни его возлюбленной в трагедии «Фингал». В таком повороте сюжета отразилось особое отношение к монарху как к сакральной фигуре.

Заключение. В последней трети XVIII в. в России усилиями правящей элиты, с одной стороны, и общественными деятелями, философами, писателями – с другой, был создан дискурс свободы, то есть последовательный, логический

(в отличие от интуитивного, не требующего доказательств способа мышления) процесс формирования и обсуждения культуроспецифического концепта свободы, отразившийся прежде всего в политических и литературных текстах эпохи.

Обращение к концепту свободы Екатериной II было вызвано стремлением создать в глазах иностранцев образ просвещенной страны, способной занять достойное место на политической арене Европы, увлеченно обсуждавшей идеи энциклопедистов. В решении внутригосударственных проблем, сопряженных, главным образом, с укреплением самодержавной власти, необходимо было определить меру свободы подданных, должных, по расчетам Екатерины, добровольно и сознательно (свободно!) служить императрице и Отечеству.

В художественных текстах этого периода с наибольшей полнотой и отчетливостью отразились тревоги и сомнения времени, отличающегося не только стремлением переосмыслить уже существующие ценности (в чем, по мнению философов, заключалась определенная свобода мысли), но и опробовать их на практике. Екатерина II отчетливо представляла, насколько мощным и универсальным инструментом для манипуляции общественным сознанием является литература. Ее политика и литературные сочинения являют собой достаточно удачную попытку создать образ просвещенного монарха не только в глазах современников, но и будущих историков, оценивающих ее государственную деятельность.

Наиболее перспективным в плане влияния на аудиторию стал жанр трагедии, с уже сложившимся классицистическим каноном, предписывающим драматургу обращение к высоким общечеловеческим проблемам и героическим характерам. Дискурс свободы в трагедиях последней трети XVIII – начала XIX в. реализовался прежде всего в выборе тем и сюжетов. Как далеко может зайти автор, используя в своих трагедиях прием политических аллюзий, – вопрос, который иногда был важнее трагических событий, происходящих с героями. Трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» стала своеобразным

итогом всех размышлений о сущности и природе власти, идея свободы приобрела в ней философские очертания и общечеловеческое вневременное значение.

Кроме того, дискурс свободы в русских трагедиях формировался из таких значимых для сознания людей последней трети XVIII – начала XIX в. категорий, как честь, долг и любовь. В течение этого периода в трагедиях актуализировались различные аспекты понятия «честь»: честь Отечества, честь подданного, честь гражданина, честь рода (в частности, надгробная почесть и женская честь), индивидуальная честь. Следование законам чести соотносилось с представлением о степени внутренней свободы человека, способного ради сохранения человеческого достоинства, своего «доброго имени», пожертвовать внешней свободой, а иногда и жизнью.

Дискурс свободы неизбежно возникал на страницах трагедий, когда драматурги обращались к понятию «долга». С одной стороны, право исполнить свой долг перед народом (для правителя), перед Отечеством (для подданного), перед родом (для оставшихся в живых родных) подтверждало свободу человека в совершении поступков. С другой стороны, необходимость следовать своему долгу даже тогда, когда это лишает человека хотя бы надежды на счастье, свидетельствует о трагической несовместимости категорий свободы и долга в условиях тирании.

Мера индивидуальной свободы определялась через сопоставление концептов любви и власти. Наиболее распространенным в трагедиях XVIII в. было представление о том, что человек, в жизни которого появлялась не управляемая разумом страсть, становится безвольным рабом своих чувств, «игралищем страстей». Но уже в конце XVIII – начале XIX в. дискурс свободы проявляется в трагическом противоречии любви как воплощения индивидуальной свободы и счастья и тех обязательств, которые накладывает долг перед обществом или перед родом.

Обращение к феномену самоубийства позволяет определить аксиологический аспект дискурса свободы. Попытки осмыслить ценность свободы, поставить ее в один ряд с такими понятиями, как жизнь и смерть, приводит к осозна-

нию катастрофичности бытия. Когда в равной степени значимые для человека понятия «чести», «долга» и «любви» вступают во внутреннее противоречие, человек должен быть свободен в выборе между жизнью и смертью.

Список публикаций.

1) Проблема свободы в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» // Литература в контексте современности: Тез. Междунар. научно-практ. конф. – Челябинск, 2002. С. 47-50.

2) Драматическое столкновение свободы и воли в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» // Художественное, научно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире. Материалы регион. науч. конф. – Нижний Тагил, 2002. С. 11-13.

3) Воля и свобода в мироощущении героев романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы: Материалы научно-практ. конф. – Екатеринбург, 2002. С. 129-123.

4) Феномен самоубийства в народном сознании // Вторые Лазаревские чтения: Материалы Всероссийской науч. конф. – Челябинск, 2003. С. 27-29.

5) Мотив самоубийства в русской литературе последней трети XVIII века // Дергачевские чтения – 2002: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2004. С. 120-122.